

РОБЕРТ ГЕРРИК

1591–1674

Роберт Геррик, поэт и священнослужитель, родился в 1591 году. Он был младшим, четвертым ребенком в семье зажиточного лондонского ювелира Николааса Геррика. Когда мальчику было немногим больше года, его отец погиб при подозрительных обстоятельствах, выпав из окна четвертого этажа собственного дома. Не исключалось самоубийство, что могло бы послужить препятствием к наследованию; однако состояние покойного благополучно перешло к его жене Джулиан и детям.

Сведений о раннем детстве поэта не сохранилось. В 1607 году Роберт поступил в подмастерья к собственному дяде, известному и преуспевавшему золотых дел мастеру сэру Вильяму Геррику (он получил дворянское звание в 1605 году) и несколько лет обучался у него ремеслу.

В 1613 году Роберт Геррик поступил в Кембриджский колледж Святого Иоанна в качестве *fellow commoner*, то есть студента из обеспеченной семьи, вносящего плату за пансион. Судя по сохранившимся письмам, во время учебы он испытывал немалые финансовые затруднения, хотя, как справедливо отмечают английские исследователи, студенческие письма к родным или опекунам с просьбой о деньгах — это совершенно особый жанр. Позже он перевелся в колледж Святой Троицы, где и получил в 1617 году степень бакалавра, а в 1620-м — магистра искусств (*Master of Arts*, то есть, говоря современным языком, гуманитарных наук).

В начале 20-х годов Геррик сдружился с Беном Джонсоном и его кружком — или, как они себя в шутку именовали, «племенем» — и сделался постоянным участником их встреч в таверне «Дьявол» и других лондонских трактирах, а также преданнейшим из «сыновей Бена».

В апреле 1623 года Роберт Геррик принял духовный сан. Обряд рукоположения совершил епископ графства Питерборо. Жил он по-прежнему в Лондоне, вращаясь в литературных кругах и, по предположениям некоторых биографов, исполняя обязанности домашнего священника при знатном семействе, — но точных сведений об этом не сохранилось. В 1625 году поэт Ричард Джеймс в стихотворении на смерть короля Якова I «*The Muses' Dirge*» («Погребальная песнь муз») упоминает Р. Геррика наряду с такими признанными поэтами, как Джонсон и Дрейтон.

В 1627 году Геррик в должности капеллана принимал участие в неудавшемся военном походе герцога Бекингемского к Ла-Рошели (на помощь осажденным гугенотам).

В 1629 году, вскоре после смерти матери, Геррик получил приход в местечке Дин-Прайор в Девоншире и в октябре 1630 года поселился там, бывая в Лондоне лишь наездами. По тогдашним меркам Девоншир был глухой провинцией, и Геррик скучал по столичной жизни, однако признавал впоследствии, что его лучшие стихи написаны в сельском уединении. Если верить устным преданиям, еще бытовавшим в XIX веке, преподобный Геррик позволял себе некоторые чудачества. Рассказывали, например, что он обучил своего любимого поросенка пить из пивной кружки; а как-то раз во время службы, заметив, что прихожане слушают его невнимательно, он в раздражении швырнул им в лица написанную проповедь.

В 1633–1634 годах Роберт Геррик впервые публикует свои стихи: «Моей родственнице, госпоже Элизабет Геррик» — в «Лондонском обозрении» Джона Стоу (1633) и ранний вариант «Пира Оберона» в «Описании короля и королевы фей...» (1634).

В 1640 году в издательском реестре появилась запись, уведомлявшая о скором выходе из печати сборника стихов, «сочиненных мистером Робертом Герриком». Однако книга — точнее, две книги под одной обложкой, светские «Геспериды» и религиозные «Благочестивые стихотворения», — вышла в свет лишь в 1648 году. По свидетельствам современников, Геррик чрезвычайно долго и тщательно «отделявал» рукопись, приготавливая ее к печати, и даже процесс печатания контролировал самолично, внося последние поправки и заставляя наборщиков переделывать каждый подпорченный лист.

В «смутном» 1647 году Геррик был лишен прихода за роялистские симпатии и, соскучившись в глуши, с радостью вернулся в Лондон, где, по всей видимости, жил на средства родни или благотворителей, не получая даже причитавшейся изгнанному священнику пятой части жалованья.

В 1660 году, после реставрации Стюартов, приход Геррику вернули и он снова уехал в Девоншир, где и прожил до самой смерти. Он умер в октябре 1674 года и похоронен, предположительно, на церковном кладбище в Дин-Прайор (надгробье не сохранилось).

Поэзия Роберта Геррика, обманчиво простая, некоторое время считавшаяся «пасторальной» и почти преданная забвению, в наши дни вызывает все больший интерес у исследователей и читателей. В чем-то он даже опередил своих современников и во многом предвосхитил поэтических «потомков». Богатство и разнообразие жанров, необычайная чистота звука, самоирония, пристальность к мелочам, вкус к народной, языческой речевой стихии, — всё это по праву ставит его в один ряд с лучшими поэтами позднего английского Ренессанса. В Вебстеровском словаре издания 1949 года «Геспериды» Геррика названы среди ста книг, которые необходимо спасти в случае нового всемирного потопа.

**Из книги «Геспериды»
(1648)**

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

Пою ручьи, леса, луга и нивы,
Цветы и травы, птичьи переливы,
И августовский воз, и майский шест,
Поминки, свадьбы, женихов, невест.
Пишу о юности, любви и страсти,
Ее безгрешной и бесстыдной сласти,
О ливнях, реках, росах на заре,
Бальзамах, благовоньях, янтаре.
Пою времен лихие карусели,
Пишу о том, как розы покраснели,
Описываю двор царицы фей,
И ведьм, и преисподню, и чертей...
Но труд свой небесам я посвящаю,
Куда и сам переселиться чаю.

ПОЭТ ОБЪЯСНЯЕТ, КОГДА СЛЕДУЕТ
ЧИТАТЬ ЕГО СТИХИ

С утра, на трезвый ум да натошак,
Читать мои стихи нельзя никак.
Лишь после яств обильных и питья
Пушкой звучит поэзия моя.
Когда на лицах отблески от свеч,
Когда улыбкою сияет печь,
И гимн пропет, и Вакхов жезл подъят,
И розами увенчан стар и млад, —
Тогда стихи мои под струнный звон
Читай хоть сам придиричивый Катон!

ПРОНЗЕННОЕ СЕРДЦЕ

Возьми канву и нарисуй на ней
Сердечко с каплей крови.
Игла и нитка наготове —
Теперь за вышивку, смелей:
Тебе пронзать сердца не внове.

Твое ж

Так не пробьешь — оно

Защищено:

Не дрогнет, не застонет

И обо мне

Слезинки не

Уронит.

ЛЮБОВЬ НЕ ЗНАЕТ ОТВРАЩЕНИЯ

Для меня всех краше та,
Что люблю: худа ль, толста,
Долговяза и сутула
Или чуть повыше стула;
Будь у ней предлинный нос
Иль в осанке перекося,
Щеки впалы, зубы скверны,
Все черты несоразмерны,
Будь она красна, бледна,
В конопушках вся спина,
Широки, узки ли губы,
Волос тонкий или грубый,
Или нет волос в помине,
Для меня она — богиня!

ВЬЮНОК

Приснилось мне — вот странный
случай! —

Что я — садовый вьюн ползучий:
Курчавый, цепкий, как горох,
И Люси я застал врасплох.
Своими усиками крошке
По всей длине оплел я ножки,
Опутал бедра и живот,
И ягодиц округлый свод;
Вверх по спине взобравшись ловко,
Листвой и гроздьями головку
Украсил ей: с такой обновкой
Она являла чудный вид —
Как юный Вакх, лозой увит.
Мои побеги, словно змейки,
Повисли, щекоча, на шейке,
Ей спеленали плечи, грудь —
Так, что рукой не шевельнуть.
Когда ж отросток мой зеленый
Подкрался к дверце потаенной,
Таких вкусил я сладких мук,
Что, пробудившись, понял вдруг:
Желанная исчезла дева,
А стебель обратился в древо.

ДЕВОНШИРСКИЕ ГОРЕСТИ

Ни разу в жизни, видит Бог,
Нигде не знал я в мире
Таких печалей и тревог,
Как нынче в Девоншире.

Но вижу, подводя итог:
Нигде бы в целом мире
Звучней не написал я строк,
Чем с горя в Девоншире.

ВИШНИ, ВИШНИ!

Вишни, вишни, эй, кому?!
Я недорого возьму!
Видишь, вишен спелых груда —
А откуда? А оттуда,
Где алеют, всех сочней,
Губки Юлии моей:
Столько там чудесных ягод,
Что не оборвешь и за год.

ПРОСЬБА ПОЭТА К ЮЛИИ

Юлия, дружок мой милый,
Коли я сойду в могилу,
Не успев стихи издать, —
В печь отправь их, не в печать!
Лучше книге стать золою,
Чем явиться в свет сырою.

К ДИАНИМЕ

Прошу я, не кичись, мой свет,
Очами, коих ярче нет,
Ни взором, что сражает смело
Сердца, — твое ж при этом цело,
Ни пышной гривой, в чьих силках
Влюбленный ветерок зачах.
Рубин в ушке твоём невинном
Пребудет век спустя рубином,
А от красы твоей тогда,
Увы, не сыщешь и следа.

ЮБКА ЮЛИИ

Сколь сладок был мне вид чудесный,
Когда летучий шелк небесный,
Листвой усыпан золотой,
Заколыхался предо мной!
То он вздымался горделиво,
То трепетал нетерпеливо,
Как парус, что команды ждет,
Готовый унести вперёд,
То вдруг раскидывался грозно,
Как небосвод, всей ширью звездной.
На солнце вспыхивал подол,
Цветами огненными цвел,
То прочь стремился безоглядно,
То ноги обвивал столь жадно,
Что жар я в членах ощутил
И перед милою без сил
Простерся, как в преддверье рая,
В истоме сладостной сгорая...
И влекся я, как Моисей
За облачным столпом, — за ней —
И вечности мне было мало,
Чтоб наглядеться до отвала.

О НЕКОТОРЫХ ДАМАХ

Я вам плох? Узнайте ж, девы,
Что такое дщери Евы:
Нитки, тряпки, бахрома,
Пост великий для ума,
Космы, фижмы, вздор, причуды,
Путаница, пересуды,
Сверху шелк, расшитый сплошь,
А под ним — сплошная ложь:
Лживы груди, бедра лживы,
Зубы, локоны фальшивы,
И лишь в головах у дам —
Самый неподдельный хлам.

МОИМ НАСЛЕДНИКАМ

Пусть не нажил я добра,
Золота и серебра,
Но когда придет пора,
Вы любви моей итог —
Эту россыпь звонких строк —
Унаследуете в срок.
Вам же, милые друзья,
Начеканил песен я,
Чтобы помнили меня.